

ВОЕННЫЙ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ
СЛУЖБЫ
В РАЗВЕДКЕ

МАКС РОНГЕ

МЕМОАРИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА,
РУКОВОДИВШЕГО ОРГАНАМИ
РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ АВСТРО-ВЕНГРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Макс Ронге

**Военный и промышленный
шпионаж. Двенадцать
лет службы в разведке**

«Центрполиграф»

1930

УДК 355.40
ББК 66.4(4)

Ронге М.

Военный и промышленный шпионаж. Двенадцать лет службы в разведке / М. Ронге — «Центрполиграф», 1930

ISBN 978-5-9524-5406-4

Мемуары Макса Ронге, австрийского офицера, последнего руководителя разведывательного управления Генерального штаба австро-венгерской армии, профессионального разведчика высокого класса, представляют собой уникальный труд по истории международного шпионажа. Используя огромный фактический материал, автор объясняет цели и задачи шпионажа, знакомит с теорией и практикой шпионской диверсионной деятельности разведывательных органов, раскрывает их структуру и технологию повседневной службы. Наряду с описанием и анализом военных и политических событий Ронге представляет наиболее яркие эпизоды работы австрийской контрразведки, такие как разоблачение Велькерлинга, Редля и многие другие. Карты, схемы и фотоматериалы дополняют и поясняют повествование.

УДК 355.40
ББК 66.4(4)

ISBN 978-5-9524-5406-4

© Ронге М., 1930
© Центрполиграф, 1930

Содержание

Развитие военной разведывательной службы в Габсбургской монархии. Первые случаи шпионажа в мирное время	6
Мое поступление на службу в разведывательное управление Генерального штаба	17
Аннексионный кризис. Типичные проявления шпионской деятельности. Двойные агенты	21
Передышка. Профессиональный шпион Бартман. Ветераны разведки. Глухонемой разведчик	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Макс Ронге
Военный и промышленный шпионаж.
Двенадцать лет службы в разведке

Max Ronge
KRIEGS UND INDUSTRIE SPIONAGE

ZWÖLF JAHRE
KUNDSCHAFTSDIENST

© Перевод, ЗАО «Цент 2020»
© Художественное оформление, ЗАО «Центполиграф», 2020

Развитие военной разведывательной службы в Габсбургской монархии. Первые случаи шпионажа в мирное время

С незапамятных времен каждой битве предшествовало проведение разведки. При этом любое командование ставило перед собой двуединую задачу – не только добыть сведения о противнике (собственно разведка), но и скрыть от неприятеля расположение собственных войск, истинное состояние внутренних дел и свои намерения (контрразведка).

При этом по мере развития военного дела совершенствовалась и организация разведывательной службы. Постепенно командующий войском прекратил лично заниматься снаряжением и засылкой в стан врага лазутчиков, а также приемом от них донесений. Эти задачи стал решать специальный орган аппарата управления войсками, который все более усложнялся. Он начал сводить в единое целое результаты своей деятельности, чтобы получить картину, которая могла бы лечь в основу принимавшегося военачальником решения.

До конца XVIII века в кайзеровской армии подобные специальные разведывательные бюро при штабах высшего командования создавались только в военное время. Они подчинялись штабу генерал-квартирмейстера, также существовавшего лишь во время войны и который с 1865 года начали называть Генеральным штабом. При этом совершаемые в пешем порядке марши войск не только затягивали сроки подготовки к началу боевых действий, но и давали достаточно времени для развертывания органов военной разведки. К тому же, по сути, одинаковые подходы к решению тактических и стратегических задач в армиях различных государств облегчали работу разведывательных служб.

Однако, когда во время войны против Французской революции устаревшая линейная тактика приказала долго жить, а армии стали все более и более разделяться на группы, или корпуса, как их начали называть, объединявшиеся в единое целое лишь на поле боя, подобное положение дел в корне изменилось. Ведь это предполагало исчезновение привязки к местности сразу всей армии во время передвижения в состоянии постоянной боевой готовности, что в известной степени их сковывало и было трудно осуществимо.

Все это значительно повысило требования к разведывательному аппарату, а сами разведорганы были поставлены перед необходимостью подбора способных и надежных людей, а также обеспечения их подготовки для разведывательной работы на будущих театрах военных действий еще в мирное время. И в этом вопросе пример подала Франция, поскольку успехи Наполеона не в последнюю очередь объяснялись великолепной работой его разведывательной службы.

В Австрии органы разведки претерпели серьезные изменения в результате объединения офицеров штаба генерал-квартирмейстера, действовавших в конце войны 1801 года¹ в полевых армиях, в единую организацию, начавшую работать и в мирное время. В 1802 году в Вене уже функционировал информационный отдел, занимавшийся сбором сведений, имевших отношение к зарубежным военным вопросам. Кроме того, были созданы разведывательные бюро в каждом из четырех штабов корпусов и земельных командований в пограничных провинциях. На разведывательные нужды стали ежегодно выделяться по 60 000, а с 1812 года – более 100

¹ Имеется в виду война между Францией и Австрией в 1800–1801 гг. Австрия участвовала в ней в составе так называемой Второй коалиции, созданной для противодействия влиянию революционной Франции по инициативе Великобритании и включавшей в себя, наряду с Австрией и Англией, Россию, Неаполитанское королевство, Турцию, несколько немецких княжеств и Швецию. В ходе этой войны Австрия потерпела поражение и была вынуждена подписать мирный договор в городе Люневиль. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иного.)

000 гульденов. Однако через сто лет на эти цели Генеральному штабу выделялось всего лишь 150 000 крон (примерно 71 000 гульденов) в год!

Вначале результаты деятельности созданных органов разведки не очень впечатляли. «В начале войны 1805 года² мы имели о противнике ошибочные сведения, а в 1809 году³ – вообще ничего о нем не знали», – сетовал в 1812 году фельдмаршал граф Радецкий⁴. Однако он признавал, что тогда Франция имела на всей австрийской территории хорошо отлаженную и разветвленную агентурную разведывательную сеть, руководство которой осуществлялось из Вены. Россия тоже провела реорганизацию своей разведывательной службы, переложив обязанности по сбору разведсведений с советника дипломатической миссии в греческом городе Малия на полковника Генерального штаба.

В Австрии структура разведывательной службы была утверждена лишь в 1843 году начальником штаба генерал-квартирмейстера фельдмаршалом-лейтенантом Гессом, который, еще будучи гауптманом во время борьбы с Наполеоном, приложил немало усилий по развитию разведорганов.

В ноябре 1850 года в связи с подготовкой к войне с Пруссией была образована разведсекция при Военной канцелярии его величества императора и короля, а 22 декабря того же года после отмены мобилизационной готовности она была преобразована в самостоятельную структуру штаба генерал-квартирмейстера, получив наименование «Эвиденцбюро». Его возглавил Антон фон Калик, который дослужился на этом посту до генерал-майора и руководил этой службой на протяжении пятнадцати лет. Однако в мирное время возможности бюро по разведке иностранных армий были весьма ограниченными, поскольку на проведение тайных операций выделялось всего 2000 гульденов. Поэтому ему оказывали действенную помощь министерство иностранных дел и представители этого министерства за рубежом.

В начале 1859 года отношения с Францией заметно обострились, и тогда в Париж в качестве военного атташе при австрийском посольстве был наконец-то направлен полковник Иоганн фон Левенталь.

Нерешительное вступление Австрии в войну 1859 года⁵ предопределило медленное развитие разведывательной службы для ведения разведки против Франции. Предложение о создании постоянных резидентур в Париже, Лионе, Марселе, Тулоне, а также о направлении воен-

² Имеется в виду война между так называемой Третей коалицией в составе Австрии, России, Великобритании, Швеции и Неаполитанского королевства, с одной стороны, и Францией, Испанией, Баварией и Италией – с другой. Эта война известна также как русско-австрофранцузская война 1805 г.

³ Военный конфликт между Австрийской империей и Великобританией (так называемой Пятой коалицией, самой непродолжительной за всю историю Наполеоновских войн), с одной стороны, и Французской империей Наполеона и его союзниками – с другой. Эта война была вызвана стремлением Австрии взять реванш за поражение в русско-австро-французской войне 1805 г. и ликвидировать тяжелые последствия Пресбургского мира 1805 г. Главные военные события разворачивались в Центральной Европе с апреля по июль 1809 г. После генерального сражения 5–6 июля 1809 г. в районе селения Ваграм, располагавшегося в 18 км северо-восточнее Вены, война закончилась победой французов.

⁴ Радецкий Йозеф (1766–1858) – граф, австрийский фельдмаршал. В 1809–1813 гг. был начальником штаба австрийской армии, в 1813–1814 гг. – начальником штаба главнокомандующего союзными войсками в войне против Франции. В 1831–1857 гг. являлся главнокомандующим австрийской армией в Северной Италии и генерал-губернатором австрийских владений в Северной Италии.

⁵ Имеется в виду австро-итало-французская война, известная в Италии как Вторая война за независимость Италии, в Австрии как Сардинская война, а во Франции как Итальянская кампания – военный конфликт между Францией и Сардинским королевством, с одной стороны, и Австрийской империей – с другой. Для Италии эта война являлась национально-освободительной, тогда как Франция в ней стремилась расширить свое влияние на Апеннинском полуострове и вытеснить с него австрийцев. 24 июня 1859 г. при Сольферино состоялось последнее и самое крупное сражение, обернувшееся кошмаром для австрийской армии, которая потеряла 18 процентов всего своего личного состава. Австрийские войска, отступая после битвы, покинули Ломбардию. По Виллафранкскому перемирию, подписанному между Францией и Австрией, Австрия отдавала Франции Ломбардию. Венеция же оставалась под Австрией. В свою очередь, Франция получала от Сардинского королевства Савойю и Ниццу, а взамен обязывалась отдать Ломбардию Сардинскому королевству. В 1860 г. австрийский император Франц-Иосиф решил взять реванш за поражение в 1859 г., но Сардинию спасло вмешательство России, не желавшей усиления Австрии.

ных представителей бюро в качестве наблюдателей при посольствах в Брюсселе, Франкфурте, Женеве и Берне было подано только 13 мая.

Руководитель службы разведки подполковник фон Калик в период с 1 июня до 4 августа 1859 года располагал около сорока шпионами, являвшимися представителями различных слоев общества и работавшими в качестве агентов-одиночек, а также так называемых тайных агентов. В задачу этих тайных агентов входила поддержка своих информаторов, и они являлись, по сути, частными разведывательными бюро. При этом Калик отдавал предпочтение агентам-одиночкам.

Со временем среди агентов появилась определенная градация. Людей, работавших в интересах разведки из чисто патриотических чувств на безвозмездной основе, стали называть доверенными лицами, а оплачиваемых пособников, прежде всего тех, кто находился за границей, – шпионами, и, наконец, разведчиков, засылаемых по линии руководства бюро, – тайными агентами. Однако особого различия между ними фактически не было, и для противника все эти агенты являлись шпионами.

После войны в организации разведывательной службы наметился заметный подъем. «Эвиденцбюро» наконец-то смогло заниматься разведывательной деятельностью и в мирное время. Сбору информации об иностранных армиях значительно способствовала систематизация должностей военных атташе, донесения от которых превратились в важный источник разведсведений.

В марте 1866 года началась масштабная разведка в отношении Пруссии. В ее интересах работали окружные ведомства в Богемии, Моравии и Силезии, а также командование крепости Йозефштадт⁶, временное окружное командование Троттау и национальное командование в Моравии. Тогда же заметно отличился австрийский генеральный консул фон Грюннер в Лейпциге, который и после оставления своего поста в связи с вторжением туда Пруссии продолжал держать связь с тайными агентами.

В созданной 15 мая 1866 года ставке Северной армии подполковник Карл фон Тегеттхофф, являвшийся братом победителя в морском сражении при Лиссе⁷, так хорошо руководил сбором разведывательных сведений, что, по оценке знатока этой войны генерал-майора фон Штейница, проводимые нами войсковые операции напоминали игру с открытыми картами. А вот пруссаки в этом вопросе плелись в хвосте. Так же хорошо работала наша разведывательная служба и против Италии.

Тем не менее, несмотря на явные успехи нашей разведывательной службы, исход войны для Австрии оказался несчастлив, и руководство страны удивительным образом решило отыграться именно на органах разведки. В результате в работе разведывательной службы наступило затишье, а связи с гражданскими властями были совершенно утеряны.

Некоторый подъем в работе стал наблюдаться только с началом франко-германской войны 1870–1871 годов, что благоприятно сказалось на общем состоянии дел в австрийской разведке. С назначением же в 1871 году начальником «Эвиденцбюро» полковника фон Хоффингера в разведывательной службе стала наблюдаться столь долгожданная стабильность.

В 1872 году было издано «Наставление по разведывательной службе», нацеленное прежде всего на активизацию работы против значительно усилившегося противника на юго-западе – Италии. Однако в целях экономии средств этим же наставлением разведывательная

⁶ Йозефштадт – в данном случае имеется в виду населенный пункт в Чехии, где при впадении в Эльбу ее левого притока Меттавы австрийским императором Иосифом II была основана крепость, считавшаяся до 1888 г. одной из важнейших в австрийской монархии.

⁷ Битва при Лиссе – первое в истории морское сражение броненосных эскадр, состоявшееся в ходе австрийско-итальянской войны 20 июля 1866 г. близ острова Лисса (ныне остров Вис) в Адриатическом море между итальянским флотом под командованием адмирала Карло ди Персано и австрийским флотом под командованием контр-адмирала Вильгельма фон Тегеттхоффа.

деятельность в мирное время вновь упразднялась, что являлось полным непониманием требований, которые стали предъявлять новые веяния в военном деле.

Введение всеобщей воинской повинности почти во всех европейских государствах в совокупности со стремлением все более полно использовать оборонительные силы народов позволяло в случае начала войны в невиданных ранее масштабах нарастить созданный в мирное время костяк армий. Время, требуемое для перехода с мирного на военное положение и проведение мобилизации, значительно сократилось, а возможности сосредоточения войск на угрожаемых участках границы заметно улучшились. Сроки для выдвижения на эти участки армий теперь решающим образом стали зависеть от степени развития и пропускной способности железнодорожной сети, которая все более превращалась в важнейшее средство ведения войны.

После успехов Пруссии в войне против Франции, которые в решающей степени были обеспечены быстрым переводом ее на военные рельсы, создание условий скорейшего перехода в состояние максимальной боевой готовности превратилось в предмет особой заботы всех генеральных штабов. А это, в свою очередь, убедительно свидетельствовало о необходимости ведения разведывательной работы уже в мирное время. Ведь при той скоротечности принятия решений о начале войны и переходе к боевым действиям вряд ли можно было рассчитывать на то, что во время уже начавшейся войны разведывательной службе удастся своевременно развернуть в стране противника столь необходимую агентурную сеть. Об этом спецы в области экономии, конечно, не подумали. Им явно было жалко тратить деньги на вознаграждение агентов в течение, может быть, многих мирных лет.

При всей кажущейся тогда простоте военного дела подбор искусных военных атташе требовался уже в мирное время. Их задачей становилось наблюдение за развитием военных органов и своевременный доклад об этом, что, в общем-то, было пока не так уж и трудно осуществить. Именно таким путем «Эвиденцбюро» получило итальянскую мобилизационную инструкцию, ежегодные отчеты русского военного министра царю, материалы об организации русской армии по штатам военного времени и другие документы, имевшие для разведки большую ценность.

Вполне понятно, что способные и умелые военные атташе на своих местах оставались подолгу. В то время не возникало проблем также с организацией поездок офицеров за границу с целью проведения рекогносцировки. Так, в период с 1874 по 1882 год таких поездок совершалось до двадцати ежегодно. Препятствий в этом вопросе не было – по желанию военного ведомства министерство иностранных дел охотно прикомандировывало офицеров к соответствующим зарубежным консульствам. Более того, в учебных заведениях по подготовке дипломатов, в том числе и в Восточной академии, ввели преподавание военных предметов.

Начиная с 1877 года ирредентистские⁸ устремления в Южном Тироле, всячески разжигаемые Италией, приобрели достаточно большой размах, что заставило военные инстанции забыть о прежней пассивности и обратить свой взор на разведывательную службу. Ответственность за сбор соответствующей информации была возложена на разведотдел военного командования в Инсбруке, которому в его работе оказывали действенную помощь подразделения пограничной полиции, полиция Триента⁹ и отдельные жандармские посты. Они начали систематически проводить разведку итальянских укреплений на тирольской границе, используя соответствующие материалы фортификационного разведывательного бюро военно-технического комитета. В 1908 году это бюро вошло в состав «Эвиденцбюро» Генерального штаба.

⁸ Ирредентизм (от *итал.* *irredento* – «неискупленный», «неосвобожденный») – политика государства, партии или политического движения по объединению народа, нации, этноса в рамках единого государства. Возник как политическое движение в Италии в конце XIX – начале XX в., направленное на присоединение к Италии пограничных территорий Австро-Венгрии с итальянским населением – Триеста, Трентино и других.

⁹ Т р и е н т, или Тренто, – город в Южном Тироле. В настоящее время относится к Италии.

Оккупация Боснии и Герцеговины в 1878 году и пацификация¹⁰ населения горного массива Кривошье¹¹ в 1881 и 1882 годах не позволили расслабиться разведывательным органам штабов пограничных корпусов и близлежащим консульствам. Их работа принесла достаточно хорошие результаты.

В то же время Россия, отношения которой с австрийской монархией с началом Крымской войны¹² испортились, с начала семидесятых годов стала уделять повышенное внимание Галиции. Тогда «Эвиденцбюро» впервые занялось вопросами контрразведки, противодействуя работе иностранных шпионов. После оккупации Боснии и без того натянутые отношения еще более обострились, и в свете развивающихся событий отчетливо стала проявляться угроза возникновения войны. Поэтому министр иностранных дел граф Густав Кальноки фон Керешпатаки в 1882 году потребовал от австрийских консульств в России активно включиться в разведывательную работу, и они развили бурную деятельность. Причем настолько бурную, что одному из них, а именно консулу в Москве барону Иштвану Буриану фон Райежу, который впоследствии стал министром иностранных дел, было даже предложено несколько ослабить рвение.

В то время русские заметно отставали от нас в вопросах проведения разведывательной деятельности. Она осуществлялась ими бессистемно и вяло, поскольку занимались ею совсем неприспособленные для этого органы и не имеющие соответствующей подготовки агенты. Позднее генерал Клембовский¹³ в одной из своих статей признавал, что необходимые реформы русское военное министерство провело лишь в 1895 году.

А вот благодаря наличию значительных полицейских сил контрразведывательная работа в России была налажена очень хорошо. В их сети угодила даже обер-лейтенант австрийской кайзеровской армии фон Урсын-Прушинский¹⁴, который во время своей «миссии» связался с некоторыми агентами, скомпрометировав при этом весьма ценного для нашей разведки вице-консула в Варшаве Юлиуса Пинтера. (С 1883 по 1885 год Пинтер был офицером Генерального штаба и служил в «Эвиденцбюро».) В результате этого превосходного помощника пришлось отозвать, но худшим последствием явилось то, что министр иностранных дел выразил свое неудовольствие и высказался за сокращение подобных «поездов с особой миссией», ограничив содействие органов своего ведомства службе разведки лишь исключительными случаями.

С этой аферы между разведками Австро-Венгрии и России началась настоящая невидимая война. Уже в 1889 году в Галиции был пойман и осужден первый русский шпион Херш Йехель Игель. Другой шпион, австрийский дезертир Венцель Марек, чех из местечка Кениггрец¹⁵, энергично занимавшийся грабежами военных канцелярий, заполучив в 1887 году в свои руки планы крепости Перемышль, передал их в Варшаву. Не зная о хороших отношениях,

¹⁰ Пацификация – правительственная политика, направленная на насильственное усмирение этнических и национальных меньшинств.

¹¹ В настоящее время относится к Черногории.

¹² Крымская война (1853–1856), называемая иногда также Восточной войной, – война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Но наибольшего напряжения бои достигли в Крыму, поэтому война и получила название Крымской.

¹³ Клембовский Владислав Наполеонович (Владимир Николаевич) (1860–1921) – российский военачальник, генерал от инфантерии. Весной и летом 1918 г. находился в тюрьме в качестве заложника советской власти. Затем был освобожден и принят на службу в РККА, однако в гражданской войне не участвовал, занимаясь военно-исторической работой. С августа по октябрь 1918 г. был председателем Военно-исторической комиссии по изучению опыта мировой войны, а затем ее членом. В 1920 г. был членом Особого совещания при Главкоме РККА, после чего ушел на преподавательскую работу. В конце того же года был арестован по обвинению в пособничестве полякам и умер в Бутырской тюрьме после четырнадцатидневной голодовки.

¹⁴ Урсын-Прушинский Станислав Наполеон (1857–1929) – офицер Генерального штаба, полковник, командир уланского полка № 13 австро-венгерской армии.

¹⁵ Кениггрец – ныне город Градец-Кралове в Чехии.

установившихся в то время между «Эвиденцбюро» и начальником германской разведки майором фон Венкером, в 1890 году Марек позволил сотрудникам австрийской контрразведки завлечь себя на немецкую территорию, где был арестован, а затем выдан Австрии для суда.

Русские немедленно взяли за Марека реванш. Они арестовали двадцать восемь человек из группы Киев – Житомир – Волочиск, а кроме того, нескольких агентов в Варшаве, среди которых был один очень ценный. В связи с этим кайзер Франц-Иосиф на одном из документов написал: «О семье арестованного следует обязательно позаботиться, поскольку нельзя допустить, чтобы столь опасная служба, требующая самопожертвования, осталась не вознагражденной». И это указание стало вектором на будущее.

В последующие годы русские продолжали охоту на шпионов достаточно удачно, хотя нередко и хватали от тридцати до сорока ни в чем не повинных людей в год. От их внимания не укрылся даже один слепой, то есть с виду совершенно непригодный агент. Наравне со своими зрячими помощниками, которых он сумел себе подобрать, его отправили в Сибирь.

Однако эти случаи не помешали «Эвиденцбюро» во второй половине девяностых годов быть блестяще информированным о России, чему в немалой степени способствовала поддержка австрийского военного представителя в Петербурге и в особенности аккредитованного там в то время военного атташе гауптмана Генерального штаба Эрвина Мюллера. Нам удалось раздобыть даже тщательно разработанные планы русского развертывания. Тогда же благодаря усилиям полковника Войновича (находившегося в России с 1892 по 1895 год) мы настолько укрепили сотрудничество с немцами, а именно с майором Мюллером (в 1892–1895 годах) и майором Даме (в 1895–1900 годах), что стали обмениваться добытыми секретами о России. При этом германская служба разведки проходила по журналу учета «Эвиденцбюро» как агент под номером 184.

Недостаток в офицерах Генерального штаба, владевших русским языком, мы старались восполнить тем, что начиная с 1890 года стали ежегодно отправлять двух офицеров на курсы изучения языка в Казань. Этого разрешения у русского военного министра Ванновского¹⁶ нам удалось добиться с большим трудом, поскольку первоначально он решительно отверг нашу просьбу, заявив: «Может быть, вы еще попросите, чтобы мы начали поставлять в Австрию оружие для того, чтобы нас побить!»

Это было время высшего расцвета австрийского разведывательного «Эвиденцбюро», поддерживавшегося такими его руководителями, как подполковник Дезидерий Колоссвару де Колоссвар (с 1896 по 1898 год) и полковник барон Артур Гизль фон Гизлинген (в 1903 году). В Италии нам удалось завербовать в качестве агентов нескольких офицеров, а в Белграде работал майор Генерального штаба Евгений Гордличка, находившийся в такой милости у короля, что ему не повредило даже заявление бывшего австро-венгерского консульского агента в Неготине¹⁷ Радованова о том, что Гордличка является негласным информатором. А консулы Юлиус Писко (Янина, Ускюб, Салоники), Гектор де Роза (Ниш), Альфред фон Раппапорт (Призрен, Ускюб) и приданный ранее Генеральному штабу офицер, служивший затем консульским чиновником, Адольф фон Замбаур (Ускюб) великолепно освещали положение дел на Балканах.

Само собой разумеется, что другие государства старались не отставать от Австрии в вопросах развития разведки и стремились заполучить максимально результативные источники информации, оправдывающие затраты. При этом они привлекали к работе такие элементы, которые не гнушались выполнять задания по моральным соображениям и не считались ни с какими нормами нравственного свойства в отношении своих хозяев.

¹⁶ Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – русский военный и государственный деятель, военный министр (1881–1898) и министр народного просвещения (1901–1902). Генерал от инфантерии, генерал-адъютант.

¹⁷ Неготин – город в Восточной Сербии, находящийся недалеко от границы Сербии с Румынией и Болгарией.

Зачастую такие личности работали на обе стороны. Это были так называемые «двойные агенты», нередко оказывавшиеся обыкновенными обманщиками, старавшимися выманивать деньги или доставлять хозяину фальшивые документы. Одним словом, шарлатаны. Такое положение объяснялось тем, что шпионаж в мирное время тогда являлся малоопасным занятием, поскольку действовавшие законы предусматривали за него довольно мягкие наказания.

В Австрии максимальной карой за шпионаж было осуждение на пять лет каторжных работ, а в Венгрии – только небольшое тюремное заключение. В результате шпионы, которых при всеобъемлющем содействии жандармерии ловили в Галиции, отделялись довольно легко. Так, в 1897 году в руки жандармов попал человек, который умел весьма ловко втираться в доверие к военным и незаметным образом выспрашивать у них секретные сведения. Это был Пауль Бартман, которого в 1889 году лишили звания обер-лейтенант и подвергли предварительному заключению сроком на полгода по обвинению в попытке организовать убийство. В ходе следствия выяснилось, что он был завербован русскими и работал на русского военного атташе в Вене полковника Зуева, а затем на его преемника подполковника Воронина. В общей сложности Бартман вместе со своим сообщником Ваничком проработал в качестве агента в течение 6 лет, доставляя русским весьма подробную и ценную информацию о положении дел в Галиции. Так продолжалось до тех пор, пока его не заподозрили в измене и не арестовали во время проведения рекогносцировки железной дороги. И за все это он получил максимальное наказание – пять лет тюрьмы.

В 1902 году разведывательной деятельности против России был нанесен тяжелый удар. В Варшаве арестовали русского подполковника Гримма, оказавшегося германским агентом. Следствие установило, что он поддерживал также связь с нашим майором Эрвином Мюллером, отзыв которого в результате этого стал неминуемым. В лице Мюллера мы потеряли энергичного и толкового помощника. А когда в 1903 году состоялось Мюрцштегское соглашение¹⁸, то начальству показалось, что началось сближение с Россией. После же того как год спустя война с Японией всецело поглотила внимание царской империи, у нашего военного руководства вообще сложилось мнение о том, что разведкой против России можно пренебречь.

Между тем поведение русских могло бы служить предостережением в том, что миру между нашими странами уж слишком доверять не следует. Еще в 1902 году стало известно об организации в России специальных разведывательных школ, а в Галиции одновременно с этим появилось большое количество странных русских «точильщиков». Чины русской пограничной охраны все чаще и чаще стали переходить нашу границу, хотя доказательств в том, что они выполняют при этом разведывательные задачи, не было. При этом у русских неожиданно появилось новое увлечение – некоторые русские офицеры в Линце изъявили желание изучать немецкий язык, хотя в царской армии служило большое число жителей Прибалтики и прочих германских потомков и недостатка в офицерах, владевших немецким языком, не наблюдалось. Одним из них был капитан Михаил Галкин, который позднее стал энергичным руководителем русской разведывательной службы в Киеве.

В 1903 году «Эвиденцбюро» стало известно, что военный прокурор австрийского ландвера¹⁹ подполковник Зигмунд Гекайло занимается шпионажем в пользу России. Ему удалось сбежать, но на его след навело письмо, отправленное им на родину из Бразилии и обнаруженное агентом австрийской полиции из венского полицейского управления Грегором Конхейзером. С затратами в 30 000 крон и при помощи властей Бразилии Гекайло удалось арестовать и доставить в Австрию.

¹⁸ Мюрцштегское соглашение между Россией и Австрией было подписано 20 сентября 1903 г. во время встречи Николая II с Францем-Иосифом в Мюрцштеге. Оно предусматривало совместные дипломатические действия по вопросу о реформах в Македонии. Начав активную политику на Дальнем Востоке, Россия стремилась обезопасить себя от агрессивных действий Австрии на Балканах.

¹⁹ Ландвер – особый вид резервных войск в Германии и Австрии.

Другим признаком несомненной шпионской деятельности русских в том же году была кража со взломом в городе Станиславове из канцелярии находившейся на войсковых учениях кавалерийской дивизии. Была похищена мобилизационная инструкция, а также шифр мирного времени. Подозрение сразу же пало на разжалованного командира взвода Антона Боднара, которому также удалось скрыться и временно обосноваться в Нью-Йорке. Однако в апреле 1904 года он решил вернуться обратно в Галицию. Когда бывшего комвзвода арестовали, шпион, естественно, принялся все отрицать, но предателя уличил найденный в его дорожном чемодане отрез от шторы с окон канцелярии кавалерийской дивизии. Тогда арестованный умело прикинулся душевнобольным и в 1910 году сбежал из дома для умалишенных в Рим. После амнистии 1911 года он вернулся в Вену и задумал опять попасть в психушку. Но ни одна из психиатрических больниц не пожелала принять опасного пациента. Боднара передали соответствующему куратору и поместили под стражу. Однако он и на этот раз сбежал, а затем принялся присылать насмешливые письма из разных стран. Наконец в апреле от него пришло послание о том, что, заработав 80 000 крон, ему удалось в Америке защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук!

О возросшей активности русских говорило и усиление деятельности разведывательной службы в Варшаве, руководимой полковником Батюшиным. Об этом свидетельствовал случай, произошедший с лейтенантом в отставке Болеславом Ройей, оказавшимся двойным агентом. После того как этот человек был принят на службу в качестве австрийского агента в Кракове, в 1906 году он с рекомендательным письмом в кармане от графа Комаровского выехал в Варшаву к полковнику Батюшину, а затем под видом корреспондента одной из газет отличился в качестве наблюдателя за германскими маневрами под Легницей.

Через некоторое время Ройя вернулся в Австрию и для введения русских в заблуждение попросил в военном министерстве выдать ему фальшивые документы. Привлеченный к ответственности, он сознался в своих связях с Батюшиным. Но когда от него потребовали сообщить кодовое обозначение русского полковника в шифрограммах и ключ к ним, Ройя отказался это сделать, оправдывая свой отказ чувством глубокой благодарности за любезное, можно даже сказать замечательное, к нему отношение со стороны русских офицеров. И что вы думаете? Его выпустили на свободу! Нам ничего другого не оставалось, как издали наблюдать за этим сомнительным господином. Если я не ошибаюсь, несмотря на все это, после свержения российской монархии в армии Пилсудского он стал дивизионным генералом²⁰.

В том же году в венской «Нойе фрайе прессе», а также в германских газетах появились заметки о том, что некий господин Хольтон в Париже занимается вербовкой бывших кадровых офицеров для «колониальных дел». Некоторые претенденты были буквально ошеломлены, когда после краткого вступления Хольтон прямо перешел к военным вопросам и достаточно открыто предложил им заняться шпионажем. Они сообщили об этом в «Эвиденцбюро», предположив, что за личиной Хольтона скрывается сотрудник Второго бюро французского Генерального штаба, которое в то время возглавлял майор Шарль Жозеф Дюпон, ставший в последующем в годы войны начальником Второго разведывательного управления Ставки Верховного главнокомандования Франции и дослужившийся до дивизионного генерала. В то время его во всем поддерживал выходец из Эльзаса гауптман Генерального штаба Фридрих Эмиль Ламблинг.

Мы предложили подходящим офицерам вступить в серьезный контакт с Хольтоном, и в скором времени они очутились в распоряжении полковника Батюшина. В результате наши предположения полностью подтвердились – после заключения франко-русской военной кон-

²⁰ Дивизионный генерал – генеральское воинское звание, существующее в ряде стран, таких как Франция, Бразилия, Италия, Испания, Польша, Швейцария и т. д. Стоит выше, чем бригадный генерал, но ниже, чем корпусной генерал, и примерно соответствует генерал-лейтенанту российской армии.

венции в 1892 году²¹, предусматривавшей обмен разведывательными сведениями, русские и французские разведслужбы стали работать рука об руку.

Все свидетельствовало о том, что русские вели против нас энергичную разведку, тогда как австрийская разведывательная сеть в России до 1906 года состояла всего лишь из двух агентов, работавших на «Эвиденцбюро». В том же 1906 году в целях экономии была прекращена даже отправка офицеров в Казань для изучения русского языка.

Между тем Русско-японская война давала великолепные возможности для наблюдения за русской армией. В частности, гауптман граф Щептицкий использовал представившийся ему шанс активно поучаствовать в походе русского кавалерийского корпуса Ренненкампа²² и изучить тактику действий русских войск. При этом мы обогатились опытом ведения разведки во время войны.

Следует заметить, что японская разведка во многом превосходила русскую. Русские сами нанесли себе ущерб в этом вопросе, отказавшись от предложения китайского богача Тифонта²³ создать для России разветвленную разведывательную систему за миллион рублей. Гарантией того, что он сдержал бы свое слово, являлась ненависть этого китайца к японцам, назначившим за его голову приличное вознаграждение.

Пренебрежение к вопросам ведения разведки против России тогда казалось не очень опасным, поскольку именно в 1906 году открылись перспективы снова быстро возродить и оживить агентурную разведывательную сеть в случае возникновения военного конфликта. Доктор Витольд Йодко²⁴ и Юзеф Пилсудский от имени Польской социалистической партии предложили штабу австрийского военного командования в Перемышле оказывать услуги в проведении разведывательной деятельности против России при условии поддержки их устремлений на создание собственного государства. И хотя в Вене в то время не согласились на осуществление такого эксперимента, в случае необходимости у нас имелся определенный задел.

Все это, а также возросшая необходимость ведения разведки против соседей, облегчило принятие решения, на котором настаивало «Эвиденцбюро». В результате ежегодные ассигнования на разведывательные нужды были увеличены до 120 000 крон.

Со времени убийства короля в Белграде отношения с Сербией становились все более и более напряженными. Сербия начала заигрывать с мятежниками в Боснии, поощряя повстанческие настроения. Полковник Гордличка (начальник «Эвиденцбюро» в 1903–1909 годах) как большой знаток обстановки был вынужден взяться за усиление ведения разведки против беспокойного соседа и Черногории, а также за налаживание надежных каналов передачи информации в случае войны, для чего предполагалось использовать прежде всего почтовых голубей. Этих голубей доставили в Сербию из недавно созданных разведывательных пунктов в Петервардейне²⁵ и Боснии.

Еще более тревожной оказалась позиция члена Тройственного союза – Италии, переключившей на Австро-Венгрию органы своей разведки, которые до 1902 года были нацелены про-

²¹ Имеется в виду Петербургская военная конвенция, заключенная в 1892 г. в рамках русско-французского союза, определившая военные обязательства России и Франции в случае войны против стран Тройственного союза, сложившегося в том же 1892 г. в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии.

²² Ренненкампа Павел Карлович (1854–1918) – российский военный деятель конца XIX – начала XX в., участник китайского похода русской армии, Русско-японской войны и Первой мировой войны. Командующий 1-й русской армией, победитель 8-й германской армии при Гумбиннене.

²³ Имеется в виду китайский купец, получивший гражданство Российской империи и звавшийся в российских документах Тифонтай Николай Иванович.

²⁴ Имеется в виду Витольд Йодко-Наркевич (1864–1924) – польский политический деятель, революционер, публицист и дипломат, сторонник союза с Германией, Австро-Венгрией и Италией, выступавший за войну между империями – участниками раздела Речи Посполитой и выдвигавший идею вооруженного восстания против России.

²⁵ Петервардейн, или Петроварадин, – бывший город в Сербии, а ныне район города Нови-Сад, расположенный на правом берегу Дуная в болотистой местности. На протяжении нескольких веков через Петервардейн, прозванный дунайским Гибралтаром, проходила граница между христианским и исламским мирами.

тив Франции, и начавшей с повышенной энергией проводить ирредентистскую пропаганду. Одновременно итальянские офицеры стали все чаще нарочито приезжать в район, граничащий с Австрией. Отслеживание их явно шпионской деятельности, организованное нашим военным атташе в Риме, привело к тому, что мы были вынуждены прибегнуть к арестам. Правда, арестованных скоро отпускали на свободу, так как австрийское министерство иностранных дел не желало портить отношения и чинить размолвки с союзником.

Особую тревогу вызвали у нас сообщения о готовящемся вторжении в Южный Тироль ирредентистских банд, о подозрительной активности Риччотти Гарибальди²⁶, а также о приготовлениях к вооруженному выступлению против Австро-Венгрии в случае смерти кайзера Франца-Иосифа.

От нашего внимания не укрылось заметное оживление деятельности союза «За Тренто и Триест» и то, что президент его восточной группы «Венеция» граф Пьетро Фоскари явно зачастил в свое поместье в Каринтии²⁷. Однако стремление министерства иностранных дел не скомпрометировать себя сильно тормозило осуществление мероприятий по линии контрразведки. И все же благодаря тесному сотрудничеству с таможенной службой и пограничной стражей борьба со шпионажем была усилена.

Тогда же весьма вовремя поступило предложение от одного господина, которого вначале называли Г.Г.60, а затем Дутрук. За соответствующее вознаграждение он снабдил нас итальянскими инструкциями по проведению мобилизационных мероприятий, схемами железнодорожной сети, расписанием передвижения по железным дорогам поездов и другими важными документами.

Где он доставал эти материалы, за которые однажды по своему желанию получил даже красивые дорогие серьги, вначале установить было невозможно. Но в 1902 году итальянцы заподозрили некоего капитана Херардо Эрколесси в государственной измене. Правда, они оказались недостаточно расторопными, чтобы взять его с поличным, – руководивший слежкой за капитаном старший лейтенант карабинеров Блейз повел себя настолько неумело, что сицилийские власти начали за ним охоту как за шпионом. Но в 1904 году Эрколесси был все же уличен в государственной измене в пользу Франции, и после этого доставка донесений со стороны Дутрука прекратилась. Сам же Дутрук, придя в «Эвиденцбюро», горько посетовал, что этот инцидент с итальянским капитаном сильно навредил его бизнесу. Тогда стало понятно, что он, являясь посредником между Эрколесси и французской разведслужбой, использовал попадавший к нему материал для продажи нам.

Позже удалось выяснить, что под личиной Дутрука скрывался французский капитан Ларгье, служивший до мировой войны руководителем разведывательного пункта. За спиной своего начальства этот французский офицер перепродавал документы, добытые для Франции!

Случай с Эрколесси вызвал в Италии настоящую шпиономанию, что на некоторое время затруднило работу нашей разведки. Это произошло как раз в то время, когда поползли упорные слухи о плотном строительстве итальянцами новых фортификационных сооружений, которые на восточной границе Италии до той поры ограничивались возведением укреплений возле города Озоппо. В связи с тем что подобное в случае начала войны означало вынос вперед района развертывания и наталкивало на определенные выводы об оперативных замыслах Италии, данный вопрос требовалось срочно перепроверить, что приобретало особенное значение.

Между тем официальные лица Италии, так же как и австро-венгерское министерство иностранных дел, делали вид, что ничего не знают о проведении разведывательной работы в отношении союзника. Более того, они сообщили о некоем Умберто Диминиче, который пред-

²⁶ Гарибальди Риччотти (1847–1924) – итальянский политический и военный деятель.

²⁷ Каринтия – ныне это федеральная земля на юге Австрии, граничит с Тиролем на западе, Зальцбургом на севере и Штирией на северо-востоке. На юге Каринтия граничит с Италией и Словенией.

ложил итальянскому морскому министерству купить светокопии чертежей австровенгерских кораблей. По нашим сведениям, итальянцы этим «товаром» были уже обеспечены, а сообщением о Диминиче просто хотели сподвигнуть нас на выдачу им итальянцев, продававших итальянские секреты. Таких, как дезертира Микель Анджеоло Поцци, передавшего за денежное вознаграждение военно-морской секции Генерального штаба Австро-Венгрии чертежи итальянских кораблей. Диминич был арестован и признался, что уже продал эти документы русскому военному атташе в Вене полковнику Владимиру Роопу²⁸. При этом судебный процесс прошел настолько деликатно, что фамилия покупателя не упоминалась!

На подобной взаимной предупредительности строилось и поведение итальянского военного атташе в Вене подполковника Чезаре Дельмастро, человека весьма честостлюбивого и желавшего добиться в разведке чего-то необычайного. Но ему не везло – одному из своих агентов, по-видимому считавшемуся особенно надежным и ценным, он не только передал приглашение некоего господина Чарльза Ениваля из Рима посетить Италию, но и сообщил ему адрес явки офицера разведки в Милане капитана Читтадини, ставшего во время войны генерал-адъютантом. Жена этого офицера в девичестве носила фамилию Аливерти, и поэтому итальянская разведслужба присвоила ему псевдоним Пьетро Аливерти. В итальянской разведке подобное кодовое имя играло одновременно роль пароля, так же как и псевдоним Герцог во французской.

В январе 1905 года в Лугано²⁹ встреча вышеназванного агента с «акулой» итальянской разведки наконец-то состоялась. Принесенные им документы вызвали огромный интерес и были оплачены по-королевски. Естественно, итальянский резидент не мог догадаться, что они были изготовлены в венском «Эвиденцбюро» и являли собой полную фальшивку. Не имели понятия итальянцы и о том, что их секретные каналы передачи информации оказались вскрытыми, что в значительной степени помогло в разоблачении итальянских шпионов.

Засланный нашим бюро человек сыграл свою роль просто великолепно и даже вошел во вкус, горя желанием повторить спектакль, который он разыграл в Лугано. Однако на этот раз в интересах дела было сделано исключение и продолжить игру ему не разрешили – не стоило тратить драгоценное время и силы на изготовление новых фальшивок, поскольку при этом никогда не знаешь, насколько важную информацию передаешь в действительности.

Раскрытие нами кодовых имен, паролей и явок в скором времени плохо сказалось на карьере незадачливого подполковника Дельмастро. Наше внимание привлекли к себе некий Пьетро Контини и его сожительница, которые поддерживали с Дельмастро тесную связь и за которыми мы наблюдали в течение нескольких месяцев. После их ареста Дельмастро утверждал, что Контини служил у него переводчиком, однако в ходе следствия удалось установить, что Контини пользовался паролем Пьетро Аливерти, что подтверждало его принадлежность к итальянской шпионской сети. Контини осудили, а Дельмастро, возмнивший себя после сделки в Лугано бесценным работником разведки, как ни упирался, был вынужден оставить свой пост.

Таким образом, можно сказать, что в 1900–1907 годах процессы по делам шпионов были вынесены, как говорится, на повестку дня, что ясно свидетельствовало о нараставшей в отношениях стран, казалось бы, мирной Европы напряженности, которая неизбежно вела к вооруженному конфликту. И проводившаяся с большей или меньшей интенсивностью разведывательная деятельность служила своеобразным барометром имевшихся тогда политических веяний. В 1907 году, когда я начал работать в «Эвиденцбюро», стрелки этого барометра однозначно предсказывали грядущую бурю.

²⁸ Рооп Владимир Христофорович (1865–1929) – русский генерал, герой Первой мировой войны.

²⁹ Лугано – город в швейцарском италогворящем кантоне Тичино.

Мое поступление на службу в разведывательное управление Генерального штаба

Осенью 1907 года меня, тогда гауптмана Генерального штаба, вызвали в Грац, где располагался штаб 6-й пехотной дивизии, и объявили о моем переводе в «Эвиденцбюро».

«Обладаю ли достаточными познаниями для работы на новом поприще?» – не уставал я задавать себе один и тот же вопрос.

К тому времени за моими плечами был одиннадцатилетний опыт офицерской службы, в том числе два года учебы, шесть лет работы на командных и три года на штабных должностях. Прослужив в восьми гарнизонах на итальянской и русской границах, а также внутри империи, я вдоль и поперек исколесил обширные территории австро-венгерской монархии.

«Достаточно ли этого?» – спрашивал я себя.

Меня днем и ночью преследовали мысли, складывавшиеся из самых фантастических представлений о работе шпионов, о проводимых ими тайных миссиях с переодеваниями и приклеиванием фальшивой бороды. Мне снились залы суда, кошмары о каторжниках Сибири и Чертова острова³⁰.

12 ноября 1907 года я приступил к исполнению служебных обязанностей в качестве руководителя разведывательной группы, численность которой была весьма маленькой, поскольку кроме меня в нее входил еще только майор Дзиковский. Он и занялся моим посвящением в тонкости разведывательной работы, обучив, как пользоваться тайными письменными средствами, простыми шифрами и другим подобным премудростям. Мое воображение поразили полые трости, щетки, зеркала и тому подобные предметы, использовавшиеся для сокрытия письменных сообщений от агентов. Затем я занялся изучением организационной структуры «Эвиденцбюро» (14 офицеров) и разведывательного дела.

Вопросы осуществления непосредственно самой разведывательной деятельности были возложены в первую очередь на главные разведывательные пункты в Граце и Инсбруке против Италии; в Темешваре³¹, Аграме³², Сараево и Заре против Сербии и Черногории; а в Лемберге³³, Кракове и Перемышле³⁴ против России. В общей сложности в них работало пятнадцать офицеров, которые занимались вербовкой, подготовкой и засылкой агентов, приемом от них донесений и обобщением информации, вопросами организации работы и обработки сведений, получаемых от находившихся постоянно за границей доверенных лиц. В функции этих офицеров входило также установление и поддержание с вышеназванными лицами устойчивой связи (почта, посредники, шифр, криптография, секретные чернила и т. д.). Число агентов, которые в то время находились непосредственно в подчинении «Эвиденцбюро», было весьма незначительным, и поэтому в Италию и на Балканы на рекогносцировку обычно посылались непосредственно офицеры этого бюро.

Самым болезненным был денежный вопрос. Ассигнованных министерством иностранных дел «средств на разведку», а также сумм, отпускаемых на эти цели по смете Генерального штаба, едва хватило бы на годовое содержание директора «среднего» банка. В результате агенты «Эви-

³⁰ Чертов остров – один из трех островов архипелага Иль-дю-Салю в 13 км от побережья Французской Гвианы, служивший в 1852–1952 гг. тюрьмой для особо опасных преступников.

³¹ Темешвар, или Тимишоара, – в настоящее время третий по величине город Румынии, исторический центр области Банат, расположенный на западе страны.

³² А г р а м – название города Загреб во времена Австро-Венгерской империи.

³³ Лемберг – ныне город Львов.

³⁴ Перемышль – ныне польский город Пшемьсль. В русском языке в историческом контексте традиционно используется название Перемышль.

денцбюро» вынуждены были удовлетворяться ежемесячными вознаграждениями в размере от 60 до 150 крон. И это при постоянно висевшей над ними угрозе получить за шпионаж долгие годы тюремного заключения, если еще чего не хуже. Поэтому желавших сотрудничать с нами было совсем немного.

Участие прочих ведомств в разведывательной деятельности было минимальным. Результатами своей работы обменивалось с нами только морское разведывательное бюро, но оно само находилось еще в зачаточном состоянии. Военным же атташе во избежание неприятных последствий заниматься разведкой вообще запрещалось, и исключение в этом вопросе составлял только военный атташе в Белграде. Зато с нами тесно сотрудничали офицеры, командированные в Македонию для реорганизации турецкой жандармерии. Кроме того, большую ценность представляла собой помощь германской разведки, с которой мы работали на взаимовыгодной основе.

Контрразведывательная деятельность носила в то время преимущественно предупредительный характер. Но вскоре мне стало понятно, что сил, имеющихся для того, чтобы противодействовать шпионажу, без всякого сомнения ведущемуся против нас Россией, Италией, Сербией и Францией, было явно недостаточно.

В этом вопросе радовали только хорошие отношения с полицейским управлением города Вены. Его начальник Карл фон Бжезовский встретил меня весьма любезно и предупредительно. Он и потом всегда с пониманием относился к вопросам сотрудничества с нами, всячески способствуя этому. Руководителем же государственной полиции вначале был полицейский советник Порм, который вскоре передал дела полицейскому советнику Гайеру, ставшему во время войны начальником полиции и министром внутренних дел. Гайер, так же как и будущий начальник государственной полиции, а затем начальник полиции и федеральный канцлер доктор Йохан Шобер являлись теми людьми в Вене, с которыми я чаще всего сотрудничал в последовавшие годы и которые всегда были готовы прийти на помощь. Именно они способствовали невиданному ранее подъему контрразведывательной работы, особенно во время войны, и думается, что эти господа простят меня за дерзость, если я назову их своими друзьями.

Если бы все органы гражданского управления относились к военным инстанциям хотя бы отдаленно так же, как полицейское управление Вены к Генеральному штабу, то в австро-венгерской монархии многое пошло бы по-другому, и ей удалось бы избежать больших бед. Тогда бы не было никаких, даже самых малых разногласий, и все вопросы продумывались и решались бы сообща, а в итоге успехам радовались бы все стороны.

Не менее сердечными были мои отношения с венской прокуратурой, а также с чиновниками венского суда первой инстанции, с которыми мне довелось соприкасаться во время рассмотрения уголовных дел, где я принимал участие как военный эксперт.

Начальник полиции Триеста надворный советник Альфред Манусси фон Монстезоле также способствовал развитию разведывательной деятельности.

Однако многочисленные враждебные государству волнения и движения во многих частях империи создавали особые трудности в нашей работе в области контрразведки, а также частично и разведки. Поэтому, не имея никакого намерения вмешиваться в политические вопросы, «Эвиденцбюро» и разведывательные посты исходя из чисто военной целесообразности вынуждены были заниматься наблюдением за этими явлениями и борьбой с ними.

Так было, в частности, на юго-западе, где ирредентистски настроенные элементы поддерживали шпионские вылазки римского Генерального штаба, на который работали граждане Австро-Венгрии итальянского происхождения, занимавшие различные должности в австрийских общественных учреждениях.

Так было в тех местностях, где австрийские итальянцы, будучи горными проводниками и пастухами, активно сновали по обе стороны границы и где ирредентистские союзы вели свою вполне определенную пропаганду.

Так было к юго-востоку от города Ала, где возле водохранилища у населенного пункта Ривольто, как установили в 1909 году военные власти, итальянское правительство имело на австрийской территории целый комплекс земельных владений, о существовании которых наши правители не имели ни малейшего представления.

Так было и на юге, где постоянно наблюдались открытые великосербские выступления. При этом бунтовщики не останавливались даже перед воротами казарм.

Так было и на северо-востоке, где действовали панславистские³⁵ агитаторы, находившие всяческую поддержку у русских представителей. Там, где русофильские русины видели свое отечество в России, а правителем считали русского царя, на которого буквально молились в церквях, зачастую возведенных на русские средства.

Ко всему этому присоединялось еще антимилиитаристское движение, имевшее своих сторонников и пропагандистов главным образом в Богемии.

Еще тогда, когда я только входил в новую должность и изучал все те премудрости, знание которых она предусматривала, уже в январе 1908 года мне поручили выполнение моего первого серьезного задания – подготовить «усиленную» службу разведки, которую можно было бы немедленно развернуть в случае готовящегося вторжения итальянцев после смерти его величества. Информация о таком их намерении поступала к нам все чаще.

На первом этапе осуществления «усиленной» разведки предполагалась отправка на территорию Италии офицеров для выявления возможных мероприятий, превышавших потребности мирного времени, а также засылка агентов в назначенные для них районы разведки на случай начала мобилизации.

На втором этапе планировалось закрытие границ, уточнение списков подозрительных и политически неблагонадежных лиц, высылка из страны опасных иностранцев, решительное подавление любого враждебного для государства движения, установление надзора за изготовлением взрывчатых веществ на гражданских предприятиях и почтово-телеграфной связью. Одновременно предполагалось взятие под контроль всех политических событий. Причем при проведении всех этих мероприятий все органы военного и гражданского управления, а также разведывательные посты должны были работать в тесном взаимодействии друг с другом.

Вскоре мне стало ясно, что меня ожидают более ответственные задания. Ведь вследствие новшеств в турецкой конституции, внесенных младотурками, придание оккупированным областям Боснии и Герцеговины правового статуса аннексированных территорий становилось срочной и неотвратимой необходимостью. Разногласия по этому вопросу между министром иностранных дел графом Алоизем Лексем фон Эренталем и начальником Генерального штаба Францем Конрадом фон Хетцендорфом касались только сроков осуществления этого. И хотя такая формальность мало что меняла в истинном положении вещей, следовало считаться с враждебностью Сербии, видевшей в этом нарушение своих великосербских планов. Она могла взяться за оружие, а Черногория к ней присоединиться. Поведение князя последней, не жалевшего на эти цели средств, никаких сомнений в этом вопросе не оставляло.

К этому добавлялось настоятельное требование начальника австрийского Генерального штаба не закрывать более глаза на агрессивные намерения Италии и покончить с сомнительным союзником одновременно с решением балканского вопроса.

Подобные веяния предполагали резкую активизацию деятельности органов разведки. Однако в конце 1907 года военный министр объявил об ограничении разведывательной работы, и в частности запретил разведывательным пунктам составлять донесения о внутрисполитическом положении. В ответ начальник Генерального штаба небезуспешно заявил энергич-

³⁵ Панславизм – сформировавшаяся в конце XVIII – первой половине XIX в. в странах, населенных славянскими народами, идеология, в основе которой лежат идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности.

ный протест, но пар, как говорится, так и ушел в гудок, и моим глазам, когда я начал углубляться в изучение истинного положения дел в разведывательной службе, открылась довольно печальная картина. Но это меня только подзадорило.

Уже вскоре, получив первый опыт в работе, я пришел к аналогичным выводам, что и майор фон Гесс, который в будущем возглавил штаб генерал-квартирмейстера. Мои выводы в точности соответствовали тому, о чем говорилось еще почти сто лет назад в 1815 году в докладе генерал-майору фон Лангенау³⁶. А сказано там было о том, что разведывательная служба выглядит как частное дело Генерального штаба. Эта служба должна обо всем знать, но помощь в лице Генштаба не находит, боясь возникновения каких-либо неприятностей и испытывая вызывающий смех страх перед возможностью скомпрометировать себя.

³⁶ Фон Лангенау Фридрих Карл Густав (1782–1840) – барон, генерал-майор, который в 1812 г. был начальником штаба саксонского контингента наполеоновской Великой армии. В мае 1813 г. перешел на службу Австрии. В 1814 г. командовал дивизией, а в 1815 г. стал генерал-квартирмейстером австрийской армии Верхнего Рейна.

Аннексионный кризис. Типичные проявления шпионской деятельности. Двойные агенты

Если Балканы с давних пор являлись своеобразным политическим барометром Европы, то Сербия все более отчетливо превращалась в детонатор, угрожавший взорвать пороховую бочку возникшей напряженности в европейских отношениях. Проектировавшееся Австро-Венгрией строительство железнодорожной линии в Салоники через Новопазарский санджак³⁷ вызвало весной 1908 года развязывание Сербией злостной антиавстрийской пропаганды. О царивших там настроениях сообщила выходившая в Боснии газета «Отачина», которая призвала начать ускоренное вооружение Сербии для подготовки к войне.

Все это привело к аресту целого ряда лиц, обвиненных в государственной измене, десять из которых в июле 1908 года были приговорены военным трибуналом к тюремному заключению на сроки от двух до восьми лет. До этого, еще в июне, в черногорском городе Цетинье закончился громкий так называемый «бомбовый процесс», на котором главный свидетель обвинения Георг Настич, являвшийся доверенным лицом сербского кронпринца Георга, заявил, что злоумышленники при помощи украденных из сербского арсенала в городе Крагуевац бомб намеревались взорвать князя Черногории. Причем произойти такое должно было якобы с ведома родственного князю кронпринца. Причиной же подобного намерения, по словам свидетеля, служило стремление к устранению препятствия на пути объединения Черногории с Сербией.

В июле Настич опубликовал две брошюры, пояснение к процессу и мстительный трактат с претенциозным названием «Финал». Последний был направлен, с одной стороны, против сербского подстрекательского союза «Словенский юг»³⁸, который Настич представил организатором «метания бомб», а с другой стороны, против великосербской агитации в Хорватии, Словении и в особенности против братьев Прибицевиц. Один из этих братьев, которого звали Светозар, был редактором печатного органа организации так называемой «независимой Сербии» в Аграме «Србобран», а другой, по имени Милан, раньше служил обер-лейтенантом австро-венгерской армии. Сведения, опубликованные в брошюрах, послужили поводом для многочисленных арестов.

Все эти события ясно показали, чего следовало ожидать со стороны сербов в случае аннексии нами оккупированных областей. Поэтому вполне понятно, что с середины 1908 года разведывательной службе приходилось действовать в интересах подготовки этой государственной акции. Накануне официального уведомления министерством иностранных дел об аннексии в пять часов утра 5 октября произошла активация заранее подготовленной «усиленной разведывательной сети» для действий против Сербии и Черногории, что для «Эвиденцбюро» означало переход на военное положение.

К всеобщему изумлению, аннексия вызвала бурю, направленную на разоружение, не только в Сербии, но и в Англии, Франции, России и Италии, и нам пришлось глядеть во все стороны. Причем в противодействии шпионажу сербы оказались необычайно энергичными. Они арестовывали наших агентов, доставщиков почтовых голубей и предпринимали ряд других мер. Но это привело лишь к подъему нашей разведывательной службы, вызвав заметный

³⁷ Новопазарский санджак – исторический регион на границе Сербии (юго-запад) и Черногории (северо-восток). Наименование регион получил от названия административной единицы во время турецкого владычества (до 1912 г.). В Средние века регион был центром сербского государства Рашка, его столица Рас находилась недалеко от современного города Нови-Пазар, поэтому сербская часть санджака известна также как область Рашка.

³⁸ «Словенский юг» – организация радикальной молодежи, образованная в Белграде в мае 1903 г. и ставившая своей целью объединение южнославянских народностей.

приток новых сил, желавших работать в интересах разведки. Причем среди таких людей было немало весьма достойных, в том числе и офицеров запаса, предлагавших свои услуги совершенно безвозмездно.

Решения сербского правительства, разумеется, зависели от позиции России, которая после неудачного исхода войны с Японией и последовавшей вслед за этим революции была не очень-то склонна к военным авантюрам. Однако внезапное появление многочисленных русских «точильщиков» в Галиции, Верхней Венгрии и Буковине, их планомерное распределение по этим областям, а также наличие у них топографических карт указывало на то, что Россия явно склонялась к возможности прийти на выручку к своему маленькому протеже.

Между тем из-за нехватки средств разведывательные посты могли добывать лишь мало-значительные сведения. В таких условиях является примечательным, что уже тогда поступили первые донесения о переносе развертывания русских войск в районы среднего течения Вислы в случае нашего ухода из Западной Польши, хотя окончательная проработка этих тщательно продуманных планов приходилась лишь на 1910 год. (Об этом писал в своем труде «Мировая война» Данилов³⁹, который был генерал-квартирмейстером в русской Главной ставке в 1914–1915 годах.)

Сербский кризис продолжался всю зиму, а к нему вдобавок присоединилась еще возможность возникновения конфликта с Турцией. Поэтому прикомандированному к австрийскому военному представителю в Турции ротмистру фон Пфлюгелю потребовалось срочно объехать наиболее крупные турецкие города, чтобы наладить работу разведывательной службы, руководимой консульствами. Он добился большого успеха, преобразовав разведывательные органы в Ускюбе⁴⁰ и Скутари⁴¹ в пункты сбора информации. После нескольких критических дней, приведших к заметному усилению разведывательной деятельности, когда казалось, что война неминуема, 31 марта 1909 года Сербия пошла на уступки.

И надо же было такому случиться, что именно в эти напряженные дни произошел один неприятный инцидент. Дело заключалось в том, что в конце марта был арестован коммерсант Карл Мюллер, находившийся в тесном контакте с рядом сербских офицеров. Арест был осуществлен как раз в тот момент, когда он выходил из квартиры австро-венгерского военного атташе в Белграде майора Габриэля Танчоса. И хотя судебный процесс над Мюллером и несколькими впоследствии арестованными лицами закончился их оправданием, сербские газеты потребовали немедленного отзыва нашего необычайно деятельного, но явно перегруженного заданиями «Эвиденцбюро» военного атташе. В результате военное ведомство снова было скомпрометировано, чего оно так опасалось. А это, в свою очередь, незамедлительно привело к соответствующим плохим последствиям, на преодоление которых потребовалось определенное время, – сменившему Танчоса гауптману Отто Геллинеку были даны строжайшие указания воздерживаться от любого рода шпионажа.

Удовлетворение от достигнутого успеха в отношении Сербии на дипломатическом поприще, который многие, в том числе и начальник Генерального штаба генерал от инфантерии Конрад фон Хетцендорф⁴², встретили весьма скептически, было омрачено разразившимся судебным процессом над изменниками родины в Аграме и процессом над Фридьонгом⁴³. Всего

³⁹ Данилов Юрий Никифорович (1866–1937) – российский военный деятель, генерал от инфантерии, имевший в русской армии прозвище Данилов-черный, чтобы отличать его от сослуживцев – генералов Данилова-рыжего и Данилова-белого. Будучи генерал-квартирмейстером, играл ключевую роль в планировании военных операций в русской армии в 1914–1915 гг., поскольку начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Николай Николаевич Янушкевич не имел стратегического опыта управления войсками.

⁴⁰ Ускюб – ныне город Скопье, столица Северной Македонии.

⁴¹ Скутари – ныне город Шкодер в Албании.

⁴² Граф фон Хетцендорф Франц Ксавьер Иосиф Конрад (1852–1925) – начальник Генерального штаба австро-венгерских войск накануне и во время Первой мировой войны, с 1916 г. – генерал-фельдмаршал.

⁴³ Фридьонг Генрих (1851–1920) – австрийский историк и публицист.

перед судом предстало 53 человека, среди которых находился и агент сербского Генерального штаба Малобаич⁴⁴, чья судьба была решена самими сербами в 1917 году во время судебного процесса в Салониках. Обвиняемые были осуждены, но намерение бана⁴⁵ Хорватии барона Рауха нанести чувствительный удар по великосербскому движению по эту сторону реки Сава, в наличии которого он был убежден, так и не осуществилось – он попался на удочку некого Макса Кандта или Кона, подсунувшего ему изобличающий материал, где для большей убедительности находилось немало фальшивок. В результате органы юстиции не поверили в подлинность и настоящих документов.

Подобные фальшивки поступили в посольство в Белграде и от двойного агента Владимира Васича, на самом деле называвшегося Младеном Сергианом и представившегося вымышленным именем. Они являли собой протоколы организации «Словенски юг», которые историк доктор Генрих Фридьонг использовал в своей публикации в венской газете «Новая свободная пресса» в марте 1909 года. Данная публикация плохо отразилась на репутации сербско-хорватской коалиции депутатов ландтага Аграма, ведь согласно опубликованным данным четверо из них были якобы подкуплены сербским дипломатом Спалайковичем⁴⁶. Венская ежедневная газета «Райхспост» назвала фамилии всех четверых депутатов – Супило, Лукинич, Светозар Прибицевич и Потоцняк. Вместе с остальными членами сербско-хорватской коалиции, насчитывавшей пятьдесят два депутата, они подали иск об оскорблении чести против доктора Фридьонга. Но еще до рассмотрения этого иска венским судом присяжных заседателей депутат рейхсрата⁴⁷ Масарик⁴⁸ решил выступить в нижней палате парламента с заявлением о том, что до этого времени никакой великосербской пропаганды, поддерживаемой сербской династией, не существовало. Когда в конце года на завершающей части судебного процесса Владимир Васич своего слова не сдержал и на него в качестве свидетеля не явился, то фальсификация как минимум большей части предъявленных протоколов была окончательно установлена. После этого Васич переменял тактику и заверил Масарика в том, что фальшивки изготовил не кто иной, как сам посол в Белграде граф Форгач. Обрадовавшись возможности излить свой гнев на министра иностранных дел графа фон Эренталя, Масарик использовал заседания рейхсрата для своей яростной речи.

Оккупационный кризис не только не разрешился к окончательному удовлетворению участвовавших в нем сторон, но и привел к возникновению новых сложностей. Об этом свидетельствовала резко возросшая разведывательная активность всех участвовавших в нем государств, чья скрытая деятельность, конечно, обнаруживалась только в ходе операций по противодействию шпионажу. Даже в Черногории стала наблюдаться шпиономания, проявившаяся, в частности, в том, что черногорцы арестовали полковника барона Хоенбюхеля во время погра-

⁴⁴ Малобаич Раде (1884–1917) – сербский военный, знаменосец сербской армии и член организации «Единство или смерть»; казнен по приговору Салоникского процесса по обвинению в покушении на наследника сербского престола Александра Карагеоргиевича.

⁴⁵ Бан – правитель земли, области.

⁴⁶ Спалайкович Мирослав Иванович (1869–1951) – сербский дипломат, политик. В 1913–1919 гг. являлся посланником Сербии в России. Именно он убедил министра иностранных дел России С.Д. Сазонова предоставить в июле 1914 г. гарантии Сербии после австрийского ультиматума. Отклонение ультиматума Сербией впоследствии стало поводом для начала Первой мировой войны.

⁴⁷ Рейхсрат, или государственный совет, – двухпалатный законодательный орган, парламент «австрийской» части Австро-Венгерской монархии, действовавший в период с 1867 по 1918 г. Рейхсрат состоял из двух палат – верхней (палаты господ) и нижней (палаты депутатов).

⁴⁸ Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) – депутат парламента австрийских земель (рейхсрата) в 1891–1893 и 1907–1914 гг. С 1915 г. участвовал в подпольной организации «Мафие» – Движении за независимость Чехословакии. При этом Масарик находился в тесной связи с британским истеблишментом, а заодно и разведкой. В 1917 г. приехал в Россию, где участвовал в создании Чехословацкого корпуса, а после падения Австро-Венгерской империи был заочно (находился в США) избран первым президентом Чехословацкой республики, после чего через месяц вернулся в страну.

ничного инспектирования и насильно увезли проводившего рекогносцировку обер-лейтенанта Малана Ульманского в город Никшич.

В Австро-Венгрии заметно возросло число лиц, обвинявшихся в шпионаже, – с шестидесяти в 1908 году до ста пятидесяти в последующие годы. Причем было абсолютно ясно, что пойманными оказывались далеко не все шпионы. При этом центром сербской шпионской и политической подрывной деятельности являлось генеральное консульство Сербии в Будапеште. Поэтому создание при находившемся там штабе четвертого корпуса нового разведывательного пункта под руководством гауптмана Коломана Харвата заметно способствовало усилению контрразведывательной работы и послужило по просьбе венгров связующим звеном с венгерскими властями, сильно отстававшими до того времени от австрийцев в вопросах борьбы со шпионажем.

Другой шпионский центр, работавший против нас, располагался под крылом русского консула Пустошкина в Лемберге. И так продолжалось до тех пор, пока нам не удалось сильно скомпрометировать его и заставить покинуть свой пост из-за громкого скандала в связи с поимкой шпиона Мончаловского. Однако по всему чувствовалось, что имелись и другие центры шпионажа, в том числе и руководимые некоторыми военными атташе. Но обычно охотно идущая навстречу нашим пожеланиям венская полиция, опасаясь столь нежелательных для нее «последствий», организовать за ними наблюдение отказалась.

Некоторые досадные явления вызвал и аннексионный кризис. Газеты никак не хотели прислушаться к предостережению о том, что в столь беспокойное время не стоит своими публикациями оказывать противнику безвозмездные услуги в проведении разведки. Поэтому пришлось издать соответствующий строжайший закон, и за период с ноября 1908 по март 1909 года арест был наложен на примерно двести газет. Большинство из них являлись чешскими, но и немецких оказалось предостаточно. В этом вопросе особенно неприятно удивила газета «Цайт», по сути снабдившая сербов нашими «оперативными планами».

Еще более неприятными были антимилитаристские демонстрации в Богемии, а также все более и более смелая панславистская пропаганда, склонявшая сербов к переносу центра тяжести их пропагандистской и разведывательной деятельности в Прагу, – сказывалась тесная связь некоторой части чешского населения с сербами и русскими. Поэтому начальник Генерального штаба неоднократно пытался организовать главные разведывательные пункты при штабах обоих корпусных командований в Богемии для противодействия этим непотребным явлениям. Однако такой пункт был развернут лишь в начале 1914 года в Праге, и то только тогда, когда антимилитаристская деятельность чехов начала буквально зашкаливать.

В 1909 году возле города Винер-Нойштадт по Штейнфельду, славящемуся своими заводами по производству пороха и боеприпасов, стали бродить какие-то подозрительные личности. Было предположено, что речь шла о сербских эмиссарах, прибывших с заданием совершить на предприятиях различные диверсии. Однако бдительность жандармерии и присланных ей на усиление воинских подразделений не дала осуществить подобные акции, если они вообще планировались. Как бы то ни было, этот случай навел нас на мысль использовать в будущем диверсии как средство ведения войны, подготовка которых была передана в ведение органов разведки.

В те первые годы моей службы в разведке у меня было достаточно много возможностей ознакомиться с деятельностью различных шпионов. Уже в самом начале я познакомился с одним провокатором, навязанным на нашу голову французской разведывательной службой. Как-то раз ко мне заявился еврей по фамилии Гайссенбергер, который еще в 1906 году занимался уборкой помещений у нашего военного атташе в Париже. Разряженный как франт, в начищенных до блеска ботинках, с носовым платком в манжете, он являл собой довольно странную личность. Однако, поскольку мы начиная с семидесятых годов прекратили зани-

маться развитием агентурной службы против Франции, его наблюдения для меня особого интереса не представляли.

Своего первого успеха в разоблачении подозрительных типов я добился, столкнувшись с одним мужчиной 15 апреля 1910 года у Гордлички, ставшего к тому времени уже бригадным генералом. Этот человек явился с предложением добыть за хорошее вознаграждение у некоего Гуго Поллака последний план крепости Перемышль с неизвестными нам тайными ходами.

Соответственно, мне была поставлена задача прояснить вопрос у этой личности, которую якобы звали Хуго Барт. Сначала я дал возможность этому болтливому еврею поговорить и вскоре раскусил его попытку выведать у меня определенные сведения путем постановки разных наводящих вопросов. Естественно, это ему не удалось.

В ходе беседы он поведал, что уже делал подобное предложение нашему атташе в Париже, но передал ему только отдельные «сегменты» плана, поскольку остальные были припрятаны им в Австрии. Затем этот тип заявил, что, по его мнению, выкупленный у Поллака план стоит предложить для продажи русским. И сделать это якобы следовало для того, чтобы выяснить, заполучили ли они такой документ или нет. При этом Хуго Барт попытался меня уверить в том, что старый план, который имеется в распоряжении русских, якобы давно устарел, так как после его кражи крепость была в значительной степени перестроена.

Все это было, разумеется, полнейшим вздором, но я сделал вид, что не заметил этого, и дал ему возможность говорить до тех пор, пока, несмотря на прохладную погоду, на его высоком лбу и безусых губах не выступили капельки пота. В конце концов, мне удалось выяснить, что его большая осведомленность по этому вопросу объясняется связями с французским и русским Генеральными штабами. Постепенно истинная сущность этой личности становилась для меня все яснее и яснее, и в конце концов я предложил ему продолжить переговоры на следующий день в нейтральном месте, то есть в не вызывающем опасений кафе «Европа». Делалось это мною для того, чтобы дать возможность негласным сотрудникам полиции поглядеть на него и опознать, если они с ним уже сталкивались.

Не успел этот тип удалиться, как от нашего парижского военного атташе пришло сообщение о том, что некий Барт, назвавшийся, однако, Германом, предлагал добыть у Поллака план ходов крепости за 1500 франков. Со мной же он, благодаря своей блестящей идее обмануть русский Генеральный штаб, намеревался провернуть гораздо более выгодное дело. Те 100 000 рублей, которые он рассчитывал при этом получить, должны были быть честно поделены между «Эвиденцбюро» и им.

Возможно, этот аферист собирался таким образом выманить у нас реально имеющиеся сведения о плане крепости, а потом заявить, что сделка, «к сожалению», из-за ареста Поллака, чего реально можно было ожидать, сорвалась. Но он оказался столь наивным, что на мой вопрос о масштабе и величине плана сказал, что план составлен в масштабе 1:120 000, и показал при этом на половину бильярдного стола, чтобы продемонстрировать его размеры, хотя при таком масштабе для подобной демонстрации хватило бы растопыренных пальцев одной руки. Этого я уже не выдержал и приказал арестовать его. Так совпало, что в тот же день на него пришел запрос из германского Генштаба, так как там он утверждал, что состоит на службе у русских.

Полиция установила, что под личиной Барта скрывался высланный из Вены и многократно судимый вор-рецидивист Иозеф Ичес, который признался в том, что состоял на службе у русских военных атташе в Вене и в Берне – полковников Марченко и Ромейко-Гурко. Его дело передали для дальнейшего рассмотрения советнику юстиции земельного суда доктору Шауппу, ставшему настоящим специалистом в вопросах расследования случаев, связанных со шпионажем.

Во время судебного разбирательства под председательством советника юстиции земельного суда доктора Райхеля и с участием прокурора доктора Эрнста, защитника доктора Тюр-

келя, а также эксперта подполковника Редля этот Иечес на хорошем еврейском жаргоне, нередко вызывая смех присутствовавших на процессе зрителей, поведал о своей истории. Он рассказал о том, как явился в Париже к полковнику Дюпону, располагавшемуся по адресу: Университетская улица, дом номер 75, и о том, что сразу же сообщил в русском посольстве в Париже о задании, полученном от этого полковника, и о том, как занимался шпионажем практически во всей Европе. По его словам, ему «из любви к императору» претило шпионить только против Австрии!

Этот веселый процесс закончился осуждением вора-рецидивиста и шпиона на четыре года тюремного заключения. В апреле 1914 года, едва выйдя на свободу, он сразу же опять предстал перед судом в Вене по обвинению в шпионаже, и в следующий раз мир услышал об этом «патриоте» из Брод⁴⁹ только в 1922 году, когда он вернулся к своему первоначальному ремеслу – краже.

Во время мировой войны наше предположение о том, что некий Поллак появился на свет лишь в результате буйных измышлений Иечеса, подтвердилось. В апреле 1915 года у захваченного возле Перемышля в плен русского унтер-офицера были изъяты многочисленные карты, среди которых обнаружилась фотографическая копия плана окрестностей крепости Перемышля в масштабе 1:42 000, оригинал которого в масштабе 1:25 000 относился к 1895–1898 годам. Каким образом этот план оказался у русских, установить не удалось, но эта копия была датирована 1 июня 1912 года и подписана полковником Батюшиным. Таким образом, между предложением Иечеса нашей разведке и приобретением этого плана русскими лежал достаточно большой отрезок времени.

Между прочим, о том, что у русских не имелось свежих, добытых в результате предательства австрийских чинов документов, свидетельствовал тот факт, что эти фотокопии имелись у всех командиров рот русской осадной армии, где были отмечены, хотя и с заметными неточностями, сооружения, возведенные уже в самом начале войны. Подобное говорило о том, что данные сведения оказались полученными в ходе боевых действий в результате рекогносцировки, проведенной русскими разведчиками.

Как бы то ни было, Иечес после описанных событий неоднократно осуждался за кражи. Но примечательным во всем этом было то, что каждый раз, когда за вором закрывались двери земельного суда, газеты поднимали шум, рассыпаясь похвалой в отношении этого якобы выдающегося человека, который будто бы еще в 1909 году разоблачил печально известного шпиона Редля. В этом, разумеется, не было ни слова правды, о чем речь пойдет несколько позже.

Подлинный типаж шпиона, действующего из патриотических побуждений, представлял собой известный своими ирредентистскими взглядами торговец лесом Дамьяно Чис из южно-тирольского города Беццекка. Он доставил на австрийскую территорию капитана итальянского Генерального штаба Эмилио Маджа, который, никого не стесняясь, приехал из Италии в почтовой карете и вышел из нее прямо у лесопилки своего доверенного лица, как раз в том месте, где предполагалось строительство нового крепостного укрепления. Об этом было доведено до сведения жандармерии, и в мае 1909 года Чис предстал перед венским судом, где мне впервые довелось выступить в качестве военного эксперта. По воле случая оказалось, что обвиняемый, его защитник доктор Кинбек и я служили в свое время в одном и том же полку «императорских егерей».

К числу типичных двойных агентов относился Алоиз Перизич. Из-за плохой репутации этого человека в 1905 году мы отказались от его услуг, а через два года он написал анонимное письмо с предложением выступить перед начальником Генерального штаба с разоблачением, касавшимся шпионской деятельности дружественной нам державы.

⁴⁹ Броды – ныне город на северо-востоке Львовской области Украины.

Через соответствующие публикации в газетах с ним была организована встреча одного из офицеров «Эвиденцбюро», на которой Перизич признался, что является итальянским шпионом. При этом он заявил, что готов сделать свои разоблачения лишь при условии освобождения его от ответственности. Такая гарантия ему была дана, но с ограничением, что в случае возобновления своей шпионской деятельности рассчитывать на пощаду он не должен. После этого Перизич сознался в том, что обслуживал и французов.

Далматинские власти⁵⁰ взяли его под наблюдение, а в 1909 году он был опознан в Землине⁵¹, откуда часто ездил в Белград в качестве торговца лесом. При аресте у него была найдена австрийская армейская схема, а также военный альманах и словари, служившие шифровальным ключом, что не оставляло сомнений в его истинной профессии. На запрос гарнизонного суда в Аграме касательно агентурного прошлого обвиняемого Генеральный штаб, сославшись на служебную тайну, отвечать отказался, в результате чего Перизича осудили. После отбытия тюремного наказания в 1915 году он снова ускользнул от надзора далматинцев и был рекомендован русским военным атташе в Риме русскому военному атташе в Берне.

Жертвой своей красивой, но очень дорого стоившей «подруги», которая в конце концов предала и его, стал молодой австрийский лейтенант Противенский, состоявший на службе «мадам Бернагу» из располагавшегося на улице Мишодьер парижского пансиона «Ирис». На самом деле это была печально известная подпольная контора, которую часто использовал в своих интересах французский Генеральный штаб. В ходе следствия над этим лейтенантом в моем поле зрения впервые очутился военный дознаватель гауптман Ярослав Кунц, который сам во время мировой войны оказался под подозрением в якобы совершенной им государственной измене. Но во время многочисленных с ним встреч, происходивших по воле судьбы, я ни разу не замечал у него, что называется, «национальной жилки». Это был основательный, с крепкой хваткой и скорее наводивший страх, чем использующий дипломатические приемы следователь. Тем не менее позднее он стал генералом и главным дознавателем в Чехословакии.

Здесь уместно будет привести еще один пример. Сапожный подмастерье Баста, уже понесший кару за подделку документов, в 1909 году служил рядовым пехотинцем в 28-м пехотном пражском полку. На столе своего командира батальона он нашел несколько схем, оставшихся после маневров, снял с них копии и предложил их итальянскому посольству в Вене. Арестованный по наводке доброжелателя и прижатый к стене, Баста указал на одного совершенно непричастного к делу фельдфебеля как на подстрекателя к совершению предательства.

Этот пример наглядно показывает, как легко беспечность может спровоцировать преступление, а легкомысленное обращение с документами, оставление без присмотра приказов и неосторожно ведущиеся разговоры – создать для шпиона благоприятную возможность для проникновения в секреты. И тем не менее, несмотря на все предостережения, канцелярская дисциплина соблюдается не всегда достаточно строго, а разница между понятиями «не подлежит разглашению» и «секретно» не везде находит должного понимания. Часто служебная записка о болезни какого-нибудь лейтенанта содержится более аккуратно, чем секретный документ.

В качестве другой иллюстрации, какими бывают предатели, можно сказать и о доносившем на своих коллег шпионе Миодраговиче, и о занимавшемся шпионажем чуть ли не с детства профессиональном шпионе Брониславе Дирче. Обоих арестовали благодаря сотрудничеству с германским Генеральным штабом. Показательным является также шпион-дезертир Питковский, которого выдал Миодрагович.

В конце 1909 – начале 1910 года был обезврежен опасный шпионский центр. В ноябре 1909 года «Эвиденцбюро» стало известно о том, что один австриец передал итальянскому Гене-

⁵⁰ Имеются в виду власти Далмации – исторической области на северо-западе Балканского полуострова.

⁵¹ Землин – немецкое название бывшего города в Сербии Земун, который ныне является районом Белграда.

ральному штабу ряд военных документов за 2000 лир, и его фотография, на которой он был изображен на фоне памятника Гете в Риме, легла в качестве доказательства в ящик моего письменного стола. Его опознали в качестве служащего склада артиллерийских орудий по фамилии Кречмар, после чего за ним с любовницей был установлен негласный полицейский надзор, чтобы в подходящий момент арестовать вместе с возможными сообщниками. И вот однажды его заметили идущим по неосвещенной аллее в сквере позади венского центрального рынка вместе с русским военным атташе полковником Марченко. А вскоре выяснилось, что он работал не только на русских и итальянцев, но и на французов тоже.

Моим первым импульсом было желание арестовать предателя во время очередного свидания с Марченко, из-за чего русский военный атташе оказался бы в весьма щекотливом положении. Ведь ему пришлось бы предъявить свои документы, чтобы избежать ареста, воспользовавшись дипломатической неприкосновенностью. Но это намерение натолкнулось на колебания полиции, опасавшейся, что в последний момент что-то пойдет не так, а также возможного порицания со стороны министерства иностранных дел. Ведь такое противоречило обычно практиковавшемуся в то время мягкому обхождению с дипломатическими работниками. Тогда было решено провести неожиданный обыск на квартире Кречмара и его зятя, работавшего пиротехником, что и было осуществлено полицейскими комиссарами Тандлером и доктором Поллаком вечером 15 января 1910 года. Члены военной комиссии, в том числе военный дознаватель гауптман Вор-личек и я, всю ночь просматривали найденный материал, и было уже совсем светло, когда мы, тяжело нагруженные, отправились в обратный путь.

В дальнейшем выяснилось, что Кречмар начиная с 1899 года шпионил в интересах тогдашнего русского военного атташе, с 1902 года – французов, а с 1906 года – и итальянцев. При этом он заработал всего лишь 51 000 крон. За свою большую доверчивость, вылившуюся в пособничество, поплатился увольнением его друг – и без того находившийся на пенсии управляющий арсеналом морской секции, а также штрафом его тесть. Пострадали и пятеро офицеров артиллерийского депо, которых приговорили не только к большому штрафу, но и отправили в отставку.

На этот раз граф Эренталь, который обычно с негодованием относился к инцидентам, вызванным деятельностью наших агентов, воспринял случай с Марченко очень снисходительно и лишь дал понять русскому поверенному в делах Свербееву, что для австрийской стороны желателен скорейший уход полковника в отпуск без возвращения его в Вену. Однако при этом его больше всего заботило, чтобы возникшая неловкая ситуация разрешилась максимально тактично, о чем он и написал военному министру генералу от инфантерии барону Францу Ксаверу фон Шенаиху. Марченко не воспринял произошедшее как трагедию и даже побывал на очередном придворном балу, на котором, впрочем, кайзер Франц-Иосиф его «не замечал».

В том, что взамен Марченко мы получим не менее опасного руководителя агентурной сети, сомневаться не приходилось. А поскольку организовать негласный полицейский надзор за его преемником полковником Занкевичем было нельзя, то я, желая все-таки затруднить его деятельность, организовал за ним под свою ответственность наблюдение, осуществлять которое поручил одному оплачиваемому «Эвиденцбюро» агенту.

Я не ошибся. Занкевич начал проявлять весьма неприятную любознательность, появляясь два-три раза в неделю в канцелярии имперского военного министерства и задавая гораздо больше вопросов, чем это делали другие военные атташе, вместе взятые. На военных маневрах его вообще приходилось ставить на место. В военных же учреждениях он появлялся под предлогом размещения заказов, рассчитывая таким образом узнать мощность того или иного производства. При всем этом Занкевич оказался весьма хитрым и вскоре заметил, что за его жилищем установлен надзор. В общем, нам потребовалось немало времени, чтобы разгадать его уловки.

Не менее деятельным был и сербский военный атташе полковник Лесянин, который так искусно скрывал свою деятельность под видом исключительного интереса к любовным похождениям, что его считали безвредным. Только после его поспешного отъезда в связи с началом мировой войны полиция во время обыска в его квартире обнаружила не только связанную с разведывательной деятельностью обширную частную корреспонденцию, но и около тридцати томов документов, показавших, что он нисколько не уступал своим русским коллегам.

Передышка. Профессиональный шпион Бартман. Ветераны разведки. Глухонемой разведчик

В разразившемся аннексионном кризисе Италия и Россия отчетливо увидели необходимость того, что для осуществления своих далекоидущих завоевательных планов им следует лучше вооружиться. Италия, в частности, наряду с введением двухлетней действительной военной службы занялась в 1910 году развитием своей армии и строительством укреплений, уделив внимание развертыванию кадров мобильной милиции таким образом, чтобы обеспечить лучшую боевую способность второго эшелона.

В то же время значительно увеличила численность своей армии и Россия, отойдя от практики концентрации войск на своих западных границах, что благодаря созданию на французские деньги развитой железнодорожной сети уже не требовалось. Взамен этого в районе Волги русские создали «центральную армию» в составе восьми корпусов, которые в случае возникновения любых возможных военных конфликтов были всегда под рукой.

В связи с этим полковник Август Урбанский фон Остримец, назначенный в октябре 1909 года начальником «Эвиденцбюро», начал постоянно хлопотать об увеличении ежегодных дотаций на содержание разведывательной службы.

Большую поддержку мы нашли со стороны развернутых с некоторого времени в Тироле и Каринтии для обеспечения службы пограничной безопасности частей ландвера, при штабах которых возникли хорошо работавшие разведывательные пункты. Кроме того, еще в 1908 году удалось ликвидировать совершенно ненормальное положение, наблюдавшееся в работе почты, когда вся военная корреспонденция из Южного Тироля в прибрежные области – Далмацию, Боснию и Герцеговину шла через Италию.

К сожалению, оставляло желать лучшего наблюдение за приезжающими на австрийскую территорию итальянскими офицерами. Дело заключалось в том, что по дипломатической линии нас извещали об их прибытии лишь только тогда, когда они уже покидали пределы нашей страны. Но мы были не настолько слепы, как это изображал в своих «сенсационных разоблачениях» некий Анжело Гатти в газете «Корриере делла сера», описывая разведывательную деятельность капитана Ойгена де Росси. О том, что этот капитан присутствовал в числе других в разведывательных целях на маневрах кайзеровской армии в Каринтии, было нам известно. Знали мы и о том, что впоследствии он должен был завербовать агентов в Галиции и у дунайских мостов, которые в случае начала войны необходимо было преодолеть семи галицинским кавалеристским дивизиям при их выдвижении на юго-запад, поскольку существовало опасение насчет заблаговременного наступления кавалерии через Изонцо на Пьяве⁵².

Гатти хвастался, что ему удалось великолепно справиться с этой задачей. Но так ли было на самом деле, проверить, естественно, не представлялось возможным. Примечательным в этой связи является тот факт, что весной 1915 года эти агенты не оказали итальянскому Генеральному штабу никакой помощи, оставив его на произвол судьбы. И я не знаю, виноват ли в этом Шлойма Розенблат из польского города Жешува или Бенно Шефер из Черновиц.

В любом случае содержание донесений капитана Ойгена де Росси было нам известно. Одно из них, приходящееся на конец 1909 года, в частности, заканчивалось словами: «Оборудованные в инженерном отношении склады возле Кракова, Лемберга и Перемышля находятся в состоянии явного запустения. На них нет даже охраны, но такое положение, по-видимому, объясняется обильно выпавшим снегом». Эти сообщения, составленные на основании сведений сарафанного радио, казались нам тогда не столько тревожными, сколько смешными.

⁵² Пьяве – река в Северной Италии.

Старательно составленные донесения итальянского консула Сабетты, отправлявшиеся им из Зары⁵³ в Рим, могли принести больше неприятностей. Однако о содержании его военных донесений мы были постоянно осведомлены.

Результаты расследования нападения на кассу «Кооперативного банка» в Триенте, произошедшего в конце августа 1909 года, привели к разоблачению одного весьма опасного итальянского шпиона. Взломщик с самого начала повел себя не особенно хитро, так как сразу оказался среди трех подозрительных лиц. Да иного, видимо, и быть не могло, поскольку преступником оказался служащий банка и известный ирредентист Иосиф Кольпи.

При обыске его жилища наряду со стилетом, шпагой, взрывчатыми веществами и богатым набором инструментов для взлома были обнаружены сотни фотографий военных объектов, таблицы с армейскими данными, а также письма, адресованные на уже знакомый нам условный адрес «Аливерти» и начальнику итальянской разведслужбы полковнику Негри. За шесть лет шпионской деятельности Кольпи явно потерял бдительность.

Через несколько дней после ареста Кольпи монах Марко Мориццо вернул обратно в банк украденные 350 000 крон, являвшиеся, как позднее хотел уверить Кольпи, «принудительным займом для национального дела». Этот монах сообщил, что деньги были ему переданы от имени одного иностранного священника, назвать которого ему не позволяла обязанность соблюдать тайну исповеди. Но имя этого человека мы установили и сами.

После ареста мать и сестра Кольпи, которые вначале все отрицали, признались, что о том, где хранились украденные деньги, узнали из спрятанной в грязном белье Кольпи записки. После этого женщины поторопились передать их профессору семинарии дону Пецци с тем, чтобы тот отправил их дальше.

«Друзей» Кольпи, образовавших разветвленную шпионскую сеть, в скором времени разыскали. Всего их оказалось пятнадцать человек, за которых ирредентистский депутат Аванчини, являвшийся, как это выяснилось в ходе войны, шпионом на итальянской службе, хлопотал перед министром юстиции. В результате состоявшийся в Триенте суд вынес в высшей степени мягкий приговор – Кольпи сохранил даже возможность продолжать обмениваться корреспонденцией с полковником Негри. Военный надзор за осужденными тоже ничего не дал, и поэтому всю компанию шпионов пришлось перевести в Вену, где их передали в руки советника земельного суда доктора Шауппа. Для уточнения деталей дела, необходимых для судебного разбирательства, я отправился вместе с ним в Триент, где осмотрел укрепления Секстена, игравшие для предстоявшего процесса большую роль.

После осуждения Кольпи за ограбление кассы на шесть лет каторжной тюрьмы состоялся процесс о шпионаже, в котором я принимал участие в качестве эксперта. Поскольку обвинение в государственной измене было недостаточно обосновано, то из-за опасения того, что присяжные его не поддержат, от него пришлось отказаться.

Между тем процессы, наблюдавшиеся в Сербии, вынудили в феврале 1910 года, несмотря на опасность возникновения столь ненавистных для графа Эренталя «серьезных дипломатических осложнений», вновь усилить работу разведывательной службы. Непосредственной причиной для активизации нашей работы послужил арест в Сербии проводившего рекогносцировку обер-лейтенанта Раяковича, которого удалось освободить лишь через большой отрезок времени, и то за взятку в несколько тысяч динаров некоторым высшим сербским чиновникам.

Так как для подготовки агентов для действий в случае начала войны была введена практика их отправки на маневры армий соседних государств, а выделение дополнительных средств на осуществление разведки в отношении Италии и Сербии не предусматривалось, то расходы на ведение работы против России опять оказывались более чем скромными. Впрочем, в этом

⁵³ Зара, или Цара, Задр, – главный город королевства Далмация, вассального государства, существовавшего с 1815 по 1918 г. под властью Габсбургской монархии. Ныне Задр в Хорватии.

вопросе до некоторой степени пришла на помощь Германия. При начальнике германской разведки полковнике Брозе и сменившем его майоре Вильгельме Гейе связь немецкого разведывательного ведомства с нами стала еще более тесной. Я несколько раз побывал в Берлине, а майор Гейе в ноябре 1910 года посетил Вену, в результате чего общие подходы в ведении разведывательной работы были изложены в меморандуме «Об организации разведдеятельности совместно с Германией».

К сожалению, успехи агентов, завербованных «Эвиденцбюро» для ведения разведки в России, порадовать не могли. Только один из них показал хорошие результаты, прислав снимки важных объектов на железной дороге и других магистралях. А вот работа разведывательного поста в Лемберге, развернутая инициативным гауптманом Генерального штаба фон Ишковским, приносила отличные плоды. Кроме того, неплохо проявили себя и находившиеся в России консульства, которые во время аннексионного кризиса в условиях сильно обострившейся обстановки внимательно отслеживали происходившие там процессы с военной точки зрения.

Благодаря усилиям гауптмана Ишковского удалось также привлечь к разведывательной работе против России некоторых членов Польской социалистической партии, в чем был приобретен настолько хороший опыт, что в конце 1910 года моральные препоны отпали и партия сама стала предлагать нам кандидатов для агентурной антироссийской деятельности. Однако до юридического оформления подобных отношений дело не дошло.

В самой же Австро-Венгрии возросшая активность шпионской деятельности во время аннексионного кризиса в 1910 году привела к невиданному ранее росту числа обвинительных приговоров. Вновь возобновил свою деятельность и профессиональный шпион Бартман. После отбытия своего первого наказания он снова был осужден на три с половиной года тюрьмы за попытку шантажировать тогдашнего начальника Генерального штаба фельдцейхмейстера Фридриха фон Бека⁵⁴, которому он прислал соответствующее письмо. Затем Бартман объявился во французском Генеральном штабе с предложением внедрить новый способ прерывания работы телеграфных линий связи, после чего вместе со своим другом Реннером оказался в Ницце для получения в находившемся там французском разведывательном пункте задания по работе против Германии и Австро-Венгрии. Во время маневров немецких войск в Силезии Бартман неосмотрительно приблизился к майору Брозе из разведывательного отдела Шб и был арестован, но по какому-то недоразумению оправдан имперским судом в Лейпциге.

Тогда в Горице⁵⁵ он сбрил себе бороду, подстриг усы и, изменив внешность, объявился в Риме у французского военного атташе под видом итальянского агента, работающего против Австро-Венгрии, где предложил «секретную карманную книжку австро-венгерского Генштаба». За книжицу, открыто продававшуюся в Вене, на титульном листе которой он сварганил оттиск: «Для строго секретного использования, господину...», этот проходимец выманил у француза 1200 лир.

После этого Бартман бросил притворяться почтенным мыловаром, облик которого служил ему прикрытием, и под видом туриста занялся изучением итальянских укреплений возле Венеции. В результате на свет появилась памятная записка под названием «Оборона», где описывались разные диковинки, якобы изобретенные одним итальянским капитаном. В частности, им был изображен «форт будущего», который на поверку в дальнейшем оказался австрийским изобретением.

С этой памятной запиской Бартман явился к нашему военному атташе в Риме и начал вести переговоры о ее продаже, во время которых явно старался выведать секреты наших военных приготовлений, надеясь узнать об этом из неосторожно оброненных слов. В общем, он

⁵⁴ Имеется в виду фон Бек-Ржиковский Фридрих (1830–1920) – начальник Генерального штаба вооруженных сил Австро-Венгрии в 1881–1906 гг.

⁵⁵ Имеется в виду княжеское графство Горица и Градишка в составе Австрии, существовавшее на приграничных территориях современных Словении и Италии.

превратился в настоящего афериста, подвизающегося на поприще шпионажа, использующего реальные навыки шпиона, приобретенные в начале своей деятельности. Потерпев неудачу, Бартман отправился в Истрию⁵⁶

⁵⁶ Истрия – название полуострова в Адриатическом море в северной части Хорватии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.